

Рос. газета. - 1999. - 28 июля. - с. 5

Чернобыль во Франции

представлен рисунками брянских ребятишек
и великолепной игрой Марины Влади и Мартэна Лямотта

ВСЕ-ТАКИ она великолепна—эта таинственная и легендарная Колдунья XX века! Рядом с ней шли знаменитые Мартэн Лямотт и Жан-Люк Тардьё, которых знает вся Франция, но тем не менее все восхищенно смотрели на Марину Влади. Она мягко улыбалась, давала автографы и подшучивала над своими коллегами — ведь Лямотту и Тардьё в галерее Нанта приходилось работать ежегодно по несколько недель, так как во Франции эта галерея с деревянной лестницей обязательно «участвует» в каждом втором фильме.

Знаменитый французский комик Лямотт, как известно, в повседневной жизни весьма серьезен. Да и сегодня ему предстояло впервые в своей творческой биографии играть трагическую роль, а потому он был мрачен и не отвечал на шутки Влади. А Тардьё не скрывал своей озабоченности — много гостей приехало на премьеру из Парижа, причем среди них были довольно язвительные театральные критики.

Его волнение передалось и мне.

Как всегда, выручила Марина.

— Билеты проданы почти на все спектакли, — сказала она, — зачем же волноваться?!

И она вновь улыбнулась так знакомо и по-доброму.

Мы не виделись с ней много лет. С тех пор, когда она приезжала в Москву, чтобы представить свою книгу о Владимире Высоцком. Да и тогда была лишь мимолетная встреча, я, естественно, о ней помнил, а для нее — одна из многих.

А еще раньше случилась весьма необычная история. Еще был жив Высоцкий, и его песни по радио не звучали.

Марина и Владимир приехали на открытие нового здания «Современника». Они появились в театре к концу спектакля, по-моему, давали тогда «Большевик». В фойе мы и познакомились. Я рассказал им, что дважды присутствовал на «концертах» Высоцкого, причем на разных континентах. Так случилось, что праздник 7 ноября встречал в Мадрасе.

Сначала в нашем консульстве шел торжественный прием, а затем остались лишь свои, и тут же был включен магнитофон — и начались песни Высоцкого. Мы их слушали до утра... А через месяц я оказался в Нью-Йорке. Там встретились с друзьями, и вновь почти вся ночь прошла «под Высоцкого».

Я рассказал об этих случаях Владимиру.

— Это еще не всемирная слава, — отшутился он, — вот если бы мои песни звучали из космоса...

Прошло совсем не много времени, и на борту «Салюта-6» начал работу первый экипаж — Алексей Губарев и Георгий Гречко. В одном из сеансов мы поинтересовались у экипажа, какую музыку они хотели бы послушать.

— Лучше всего песни Высоцкого, — сказал Георгий Гречко, — с ними легче работать.

Просьба экипажа — всегда закон для Земли, и через несколько дней голос Высоцкого зазвучал на борту станции.

...Но не только прошлое связывает Марину Влади с Россией.

Когда Тардьё предложил ей роль в пьесе о Чернобыле, она сразу же согласилась.

— Радиация нанесла удар в сердце каждому из нас, — говорит она, — от нее страдают в первую очередь дети, а значит, наше будущее, вне зависимости от того, где мы сейчас живем — на Украине, в России или во Франции. Что можем мы, актеры, сделать? Наверное, донести со сцены правду о трагедии, чтобы зритель почувствовал ту боль, что живет в нас после Чернобыля. Как у этих брянских ребятишек... — Марина показала на рисунки детей.

Мы — на открытии вы-

ставки «Чернобыль глазами детей». Около тридцати рисунков прислали в Нант из Брянска. Устроители выставки создали оригинальную экспозицию. Зеленый ковер из травы расстелен по всему залу, песчаная дорожка вьется среди холмиков, на вершине которых рисунки детей, переживших чернобыльскую катастрофу.

Выставка — один из фрагментов программы «Дни Чернобыля в Нанте», которую придумал и организовал Жан-Люк Тардьё. Еще год назад он решил не только поставить «Саркофаж», но и провести в эти дни встречу предпринимателей Украины и Нанта, научную конференцию, посвященную использованию атомной энергетики, а также выставку детских рисунков. Он обратился как к своим соотечественникам, так и к нашим ученым и бизнесменам. Разослал письма и в министерства культуры, и руководителям Украины и России, и учителям в школы чернобыльской зоны.

Естественно, во Франции откликнулись сразу же — от деятелей культуры до руководителей атомной промышленности, от мэров городов до журналистов местной и столичной прессы. От нас же лишь ребятишки из Брянской области прислали свои рисунки. Другими же голос выдающегося режиссера не был услышан.

Но тем не менее состоялось все: и выставка, и конференция, и спектакль, эхо премьеры которого прокатилось, без преувеличения, по всей Франции. Что же увидели в спектакле французы?

«ЛИБЕРАСЬОН»: «Чернобыль прежде всего представляет собой ужасный эксперимент над людьми. Вот чем стала жизнь в СССР: одним огромным экспериментом. Почти игра, игра в убийство. А поэтому атомный взрыв предшествует взрыву социальному. На сцене — Чер-

нобыль, и нет Мерзавца, Мучеников и Героя, а есть рядовые люди, соратники, жертвы и храбрецы одновременно. Действующие лица, которые не успевают расположиться на сцене, как их уносит смерть. Здесь представлен не психологический театр, а необработанные, скорее даже грубые картины жизни. Процесс над бюрократической системой. Публика устроила триумфальный прием спектаклю...».

«ЛЕ КАНАР АНШЭНЭ»: «Эта пьеса приподнимает крышку бурлящего котла: как могло произойти невозможное? Какое нужно сплетение кретинизма, угодничества, карьеризма, взяточничества, бюрократического зазнайства, наплевательского отношения и некомпетентности, чтобы вызвать ядерную аварию, как чернобыльская?»

Ох как ошибается французский журналист! О наших бедах, социальных и научных, на конференции по Чернобылю в Нанте рассказывали лишь французские специалисты. Они старались сделать выводы из уроков трагедии, они предупреждали об ответственности, они обращались к совести нации. И иногда мне кажется, что во Франции ликвидации последствий катастрофы в Чернобыле уделяется больше внимания, чем у нас.

Французы первыми протянули нам руку помощи: прислали необходимое оборудование для ликвидации аварии, направили в пострадавшие районы своих специалистов, аппаратуру, медикаменты. Уже несколько десятков международных конференций провели они, чтобы обобщить ход работ по ликвидации аварии, они щедро делятся своим опытом работы на АЭС. И даже один крохотный эпизод, случившийся после премьеры, свидетельствует об этом.

Сразу после Чернобыля группа ученых Дальнего Востока, Грузии, Москвы объединилась, чтобы реализовать свои теоретические разработки на практике. Речь идет о всевозможных добавках в продукты питания. Их

использование помогает выводить радионуклиды, повышает защитные свойства организма. Была создана серия подобных препаратов. В частности, появились лечебный чай и сахар, разнообразные прохладительные напитки, вина и водки. Опытные партии прошли успешные испытания. Одну бутылку «Женьшеневой водки» я захватил с собой. И на банкете я рассказал о работах ученых, объединившихся в ассоциацию «Паллада». Естественно, лечебную водку попробовали все, даже Марина Влади нарушила свой обет не прикасаться к крепким спиртным напиткам и с удовольствием попробовала «Женьшеневую»...

Ко мне сразу же обратились атомщики-французы и попросили связать их с «Палладой». К сожалению, у нас такого интереса нет.

...Чернобыльское пятно распространяется не только вширь, но и вглубь — в души людей. Остановить этот распад можно лишь сообща — ученым и артистам, пахарям и металлургам, политикам и шахтерам. В апреле 86-го ценой жизни и здоровья тысячи людей заглушили ядерное пламя Чернобыля, но оно и сегодня тлеет — и об этом нельзя забывать.

Французские семьи приимают ныннешним летом чернобыльских детей, чтобы подкормить и подлечить их. Спасибо вам, французы, которые чернобыльскую беду считают своей!

Владимир ГУБАРЕВ.
Нант—Москва.

На снимках:

● Марина Влади и Мартэн Лямотт;

● Плакат, выпущенный к «Дням Чернобыля в Нанте»;

● Режиссер Жан-Люк Тардьё.